

НО МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ ВОЕННАЯ ПОЭЗИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ

Поэтические произведения времен войны — документ эпохи. Эссе, написанные участниками круглого стола, открыли авторам возможность диалога, переживания и способность ощутить причастность к далеким, но и до сих пор остающимся близкими событиям войны. Для философского ума — это еще и прикосновение к экзистенциальным проблемам жизни и смерти, ценности мира, различения друга и врага, понимание долга, жертвы и жертвенности, переживание потери близкого, другого опыта любви времени войны.

П. А. Блинникова

Источник текста: <https://rustih.ru/konstantin-simonov-esli-dorog-tebe-tvoj-dom/>

В июле 1942 г. в «Красной звезде» впервые было напечатано стихотворение Константина Симонова «Убей его» («Если дорог тебе твой дом...»), которое стало по-настоящему легендарным. Каждая строчка этого произведения пропитана яркой ненавистью к врагу. Я выбрала это стихотворение, потому что оно производит сильное впечатление. Чувствуется яркая агитационная направленность текста. Словно автор лично обращается к каждому солдату советской армии с призывом. Даже сейчас, в мирное время, читая или слушая это произведение, испытываешь ощущение, что это все происходит сейчас, с твоей семьей, и именно тебе необходимо вступить в бой безотлагательно.

Стихотворение начинается с описания милой сердцу картины малой родины. Дома, сада, быта. Подчеркивается преемственность поколений, о доме говорится: «Дедом, прадедом и отцом // В нем исхоженные полы». Симонов взывает к чувствам всех, кому дорога своя страна, ведь любовь к большой Родине начинается с любви к малой. Воспоминания о родном доме — единственное, что есть у каждого солдата на войне. Ведь до войны у всех была мирная жизнь со своим укладом. И любой хочет возвратиться в родной дом, где ждут родные, где течет прежняя, спокойная жизнь.

В тот момент, когда автору удастся пробудить в слушателе воспоминания, греющие душу, он резко помещает в это пространство врага. Он беспощаден и уничтожает все на своем пути, не щадит ни чужое имущество, ни чужую жизнь. Эта ужасная картина показана в строфах с перечислением наиболее близких людей. Матери, которую бьет и унижает фашистский захватчик. Отца, память о котором он оскверняет, топча бережно хранимую фотографию. И, наконец, ужасающая картина насилия над любимой девушкой. Хрупкой и беззащитной, которая так дорога солдату. Яркое и жесткое противопоставление в этой строфе заключается

в том, что «ты», к кому обращены стихи, так любил эту девушку, что «долго поцеловать не смел», а враг, и не один человек, а трое, издевается над ней.

Следующие строфы, на мой взгляд, обращены уже больше к чувству собственного достоинства и чести мужчины. Симонов подчеркивает, что единственный способ на данный момент проявить свою любовь к Родине, ко всему, что дорого, — только убийство. Отомстить за горе, которое фашист принес в твою жизнь и жизнь твоих родных, ты можешь только выстрелив из винтовки: «За чужой спиной не сидят, // Из чужой винтовки не мстят». Он подчеркивает, что важен каждый солдат, каждый выстрел.

Последняя строфа показывает отношение к врагу. Во-первых, стоит отметить, что враг не имеет лица: автор, объединяя всех солдат гитлеровской армии в одного «фашиста», недаром применяет синекдоху. Неважно, кто перед солдатом: ему необходимо сражаться. Это подчеркивает и вторую особенность времени: на войне нет места жалости. Симонов как бы пытается снять все психологические ограничения, высвободить в солдате жестокость, которую в обычной жизни тот не мог бы проявить. Всех людей с детства учат быть добрыми, проявлять милосердие и сострадание. Насколько страшно пойти на такой шаг — не ударить, а убить человека, забрать чью-то жизнь? Но автор нарочно лишает врага лица, ведь для советского солдата он не должен быть человеком. Это не человек — это враг. Более того, автор снимает ответственность за убийство, говоря, что фашист сам виновен: «Так хотел он, его вина». Стихотворение заканчивается исполненными пафоса строками: «Сколько раз увидишь его, // Столько раз его и убей!» Это призыв к немедленному действию.

В заключение хочется отметить, что данное произведение выполняло свою главную функцию — поднимало бойцов в атаку. Поэт Михаил Львов рассказывал: «В 1944 году, на Сандомирском плацдарме, за Вислой, говорил мне мой друг-танкист о стихотворении Симонова “Убей его”: “Я бы присвоил этому стихотворению звание Героя Советского Союза. Оно убило гитлеровцев больше, чем самый прославленный снайпер...”»

В этом произведении поднято множество проблем. Самая серьезная, по моему мнению, проблема убийства другого. Мирному человеку необходимо брать на себя ответственность за лишение жизни. Кем бы он ни был, врагом, носителем чуждой идеологии, все же он остается человеком, со своими проблемами, семьей, которую так же пришлось оставить, возможно, он не был добровольцем и не хотел вступать в бой, возможно, у него не было выбора. Но на войне нужно забывать об этом. Поэтому произведение Симонова оказалось так действенно, ведь оно достигало души каждого солдата.

А. А. Гуринский

Источник текста: <https://rustih.ru/olga-berggolc-razgovor-s-sosedkoj/>

Стихотворение принадлежит перу Ольги Берггольц, известной советской поэтессы, которую называли «музой блокадного Ленинграда». «Разговор с соседкой» — одно из наиболее заметных произведений этого цикла, написанное в конце 1941 г. Берггольц могла и не оказаться в блокадном Ленинграде: вместе с мужем, Николаем Молчановым, она должна была быть эвакуирована, но он умер, и она приняла решение остаться в городе.

В годы блокады Ольга Берггольц работала в литературно-драматической редакции Ленинградского радио. Благодаря этой работе к ней и пришла настоящая известность: ее голос для ленинградцев стал символом мужества и терпения, сопереживания и надежды. К слову, именно ей принадлежат знаменитые слова, которые сегодня являются формулой памяти обо всех убитых в Великой Отечественной войне: «Никто не забыт и ничто не забыто».

В воспоминаниях о Берггольц часто отмечали, что в годы блокады, в это тяжелое и страшное время, она чувствовала себя по-настоящему «счастливой, нужной», она стала, по выражению Д. Гранина, «воплощением героизма блокадной трагедии».

В своем творчестве этого периода Берггольц обращается к простым ленинградцам, к обычным рядовым людям, переживающим трагедию. «Разговор с соседкой» — одно из самых репрезентативных в этом отношении стихотворений. Оно представлено как диалог с Дарьей Власьевной. Это своеобразный «разговор по душам», в котором соседки обсуждают «мир», мечтают о времени, когда война закончится, а они выйдут из этого испытания более сильными, стойкими и целеустремленными. В образе Дарьи Власьевны зашифрован образ России, о чем свидетельствуют последние строки:

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

В слишком «рядовом», личностном патриотизме официальная пропаганда обвинит поэтессу уже в послевоенное время. Упрекали ее в том, что она много говорила о трагедиях отдельных людей и мало освещала подвиги и военные победы. На эту критику Берггольц также ответила в стихотворной форме:

И даже тем, кто все хотел бы сгладить
в зеркальной робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на желтый снег пустынных площадей.

Согласно жизненной философии Берггольц, проявившейся в ее творчестве того периода, возможность сохранить обычную жизнь и позитивное ее восприятие было подвигом не меньшим, чем военный. Такое миропонимание она и несла в своих стихах жителям блокадного Ленинграда, и в этом была созвучна их настроению и чувствам.

А. А. Доронина

Источник текста: <https://rustih.ru/anna-axmatova-in-memoriyam/>

Как оценить войну?

Никогда нельзя сказать, что она достаточно понята, достаточно осмыслена, о ней достаточно говорили или молчали. Еще сложнее с памятью войны. Возможно, поэтическое высказывание, как мало что иное, способно приблизить нас к осмыслению этого феномена.

Большому поэту свойственны не только точность, сила и профетизм высказываний; одна из наиболее ярких его характеристик — способность быть посредником между человеческим и божественным, способность брать на себя ответственность перед людьми и Богом быть самим собой не переставая, не отказываясь от своих слов. Помимо этой ответственности, поэт призван служить людям, что означает откровение общего, целого через себя самого.

Великий поэт Анна Ахматова — представитель великой культуры жизни народа. О. Берггольц в статье «Военные стихи Анны Ахматовой» раскрывает значение таланта поэта в русской и мировой культуре: «большой поэт, обладающий огромным, общим с народом душевным опытом, личность, завоевавшая право на это всем путем своего сердца, способного на великую земную любовь» (Ефимов (публ.), 2001). По воспоминаниям многих современников, Ахматову всегда отличала «глубокая вера» и почти пророческое предвидение (Добин, 1968: 130).

Стихотворение Ахматовой «In memoriam» (1942), по сути, апостольское обращение: «А вы, мои друзья последнего призыва»; одновременно — определение всенародного служения поэта: «Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена». Поэт конституирует вечную скорбь и вечную память. Содержанием и центральной идеей становится победа жизни над смертью и бессмертие любви:

И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Нельзя не заметить, что в первой редакции стихотворения последняя строчка — «Живые с мертвыми: для славы мертвых нет» — заканчивалась слова-

ми: «...для Бога мертвых нет». Однако для публикации в московском журнале «Знамя» в 1945 г. с согласия автора строчку скорректировали (Ефимов (публ.), 2001).

Военные стихи Ахматовой немногочисленны. Однако в них звучало новое слово в поэзии, новая сторона ее творчества: в них эхо народного голоса, слово общей судьбы, единой жизни.

И. Ю. Ильин

Источник текста: <https://rustih.ru/aleksandr-tvardovskij-ya-ubit-podo-rzhevom/>

Стихотворение Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» написано в 1946 г., через год после окончания войны. Оно написано от первого лица и представляет собой лирический монолог погибшего. Тот хочет возвестить стремительно отдаляющемуся от него миру о своем закончившемся существовании и донести до боевых товарищей и соотечественников необходимость защищать Родину и счастливо в ней жить.

Главной темой произведения можно назвать подчиненное положение индивидуальной человеческой судьбы по отношению к необходимой само-жертвенности во имя великого исторического события, которым в данном случае является победа над врагом, терзающим родную землю. Ключевая, на мой взгляд, мысль стихотворения выражена так:

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?
И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Твардовский очерчивает здесь контуры нерелигиозной (а лучше сказать — квази-религиозной) эсхатологии и сотериологии: мертвый не сможет обрести покой (а значит, не умрет окончательно) и не сможет спастись в том случае, если его жертва была напрасной. Спасением здесь выступает событие Победы, которого одинаково чают не только живые, но и погибшие.

Победа, которую все усиленно ожидают, с этой точки зрения является, безусловно, событием мессианическим. Твардовский иллюстрирует это через временное измерение произведения. Выбранный им способ наррации укладывает

идею стихотворения в классическую концепцию мессианического времени как промежуточного: событие Победы еще не свершилось объективно (т.к. герой умирает в 1942 г.), но при этом оно уже свершилось, поскольку все о нем знают. Твардовский написал стихотворение в 1946 г., мы читаем его в 2020 г., но главное то, что в логике данного нарратива оно попросту не могло не свершиться («Вы должны были, братья, // Устоять, как стена, // Ибо мертвых проклятье — // Эта кара страшна»).

В произведении сплетаются две линии. Одна из них — послание героя к выжившим товарищам, а вторая — повествование о собственной участи. При этом Твардовский мастерски нюансирует между эмоциональными смыслами обеих линий: с одной стороны, герой считает, что положил жизнь не зря (и выделяет эту жертву с соответствующим пафосом), но с другой — не может сдержать горечи.

Герой, которого с позиции истории, несомненно, стоит отнести к победителям, при этом оказывается проигравшим в доминирующем фокусе субъективной микроистории. (История, которая, по Беньямину, пишется победителями, еще могла бы вместить в себя нашего героя, например, на условиях героической смерти или совершенного подвига, однако Твардовский намеренно дает читателю знать, что смерть героя не была героической и что никакого выдающегося подвига он не совершил.) Мы не знаем, есть ли у героя семья, но очевидно, что отныне он может стать исторической частью события Победы только через коллективную память, которая сегодня обретает воплощение, например, в акциях «Бессмертного полка».

Наконец, стоит сказать несколько слов об эстетическом измерении произведения. Твардовский, являясь непосредственным участником войны, стилизует собственный язык, применяя прием сказа, чтобы читатель прочувствовал сущность войны, пульс и дыхание ее повседневности. Это короткие приказы, скупые эмоции и постоянное пребывание в состоянии собранности. Воспринимая поэтический язык и стиль автора — короткие фразы, отрывочная речь, множество хлестких метафор — мы становимся со-участниками происходящего. Твардовский предлагает нам посмотреть на ту реальность взглядом, противоречащим, возможно, объективному, но обезличенному официальным историческим дискурсом — а именно глазами людей, сгинувших бесследно на необъятных просторах нашей страны и не имеющих даже могилы.

Ю. В. Клепикова

Источник текста: <https://rustih.ru/olga-berggolc-razgovor-s-sosedkoj/>

О знакомой и неизвестной Берггольц

Ольга Берггольц жила когда-то на улице Рубинштейна в советском Ленинграде, в доме Коммуны.

Сложно представить, многим ли и кому известна была (например, из ее многочисленных соседей) несоветская Берггольц, преклоняющаяся перед поэзией Серебряного века? Однако дневниковые записи Ольги Берггольц изобилуют цитатами из Мандельштама, Ходасевича, Блока, Ахматовой.

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Как отмечают исследователи, всю жизнь Берггольц пыталась преодолеть растущую пропасть между внешним миром и внутренним, между верой в придуманную идею и открывшейся страшной действительностью.

Вот мы прожили почти полгода,
полтора суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьевна, с тобой.

В молодости Ольга Берггольц училась на Высших курсах при Институте истории искусств. Среди преподавателей были Борис Эйхенбаум и Виктор Шкловский. Там юная поэтесса слушала выступления Эдуарда Багрицкого, знакомилась с творчеством Владимира Маяковского. Можно сказать, что определенная поэтическая известность пришла к Берггольц уже в тридцатые годы.

Для того чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист —
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

В 1938 г. Ольгу Берггольц, уже широко известную поэтессу, арестовали по обвинению «в связи с врагами народа», а в июле 1939 г. освободили и реабилитировали полностью. Только в результате почти годового заключения из-за побоев

во время допроса она родила мертвого ребенка. Вспоминая о допросах, Берггольц писала, как у нее вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули обратно и сказали, мол, живи...

Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаешь:
«Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— «Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь».

Муж Берггольц Николай Молчанов умер в блокадном Ленинграде, а до этого поэтесса похоронила двух малолетних дочерей.

Однако именно в это время Берггольц создала едва ли не лучшие свои поэмы «Февральский дневник» и «Ленинградская поэма», посвященные защитникам Ленинграда. Музой блокадного Ленинграда, как в то время называли Берггольц, стала несчастнейшая из женщин, казалось, сломленная трагическими потерями.

Дарья Власьевна, еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

В блокаду Ольга Берггольц ежедневно работала на радио, поддерживая ленинградцев. Она вышла замуж в третий раз, за исследователя литературы профессора Георгия Макогоненко. Биографами Берггольц этот период ее творчества и жизни отмечен как самый удачный, однако жизненные противоречия Берггольц не прекратились.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Стихи Берггольц разновелики по уровню литературного мастерства, созданы в разное время и отчасти по требованию момента, но всякое творческое произведение ее — искреннее и незамутненное цинизмом.

В большинстве ощущается недосказанность, в них звучат диалоги с ушедшими и скрытые повествования о своей судьбе.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
в наскоро повязанном платке,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Ольга Берггольц похоронена 13 ноября 1975 г. на Литераторских мостках Волковского кладбища в Ленинграде — вопреки прижизненному ее завету быть похороненной на Пискаревском кладбище, где высечены в камне ее слова: «Никто не забыт и ничто не забыто», которые поэтесса считала лучшим своим произведением.

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия
Стой же и мужайся, как она!

К. А. Мартемьянов

Источник текста: <https://rustih.ru/aleksej-surkov-byotsya-v-tesnoj-pechurke-ogon/>

Стихотворение «Бьется в тесной печурке огонь» Алексея Суркова (1899–1983) — это сокровенные строки военного корреспондента, написанные после сражения. Строки из личной переписки только в 1942 г. стали знаменитой песней «В землянке», когда композитор Константин Листов случайно познакомился с автором и увидел его текст, а затем положил его на музыку.

После тяжелого боя, в котором оружие в руки взяли не только штабные, но и корреспонденты, Сурков принялся за письмо жене. В нем силой памяти и слова удалось по крупицам собрать растерзанный войной мир, вселив в него красоту и любовь. Тягостный военный быт, войдя в разгоряченное мечтой сознание поэта, принял столь одухотворенный облик, что трудно поверить: совсем недавно Сурков выходил из немецкого окружения, пробираясь через снега продрогшим и изможденным.

Впрочем, силу воображения, наделяющую вещный (и потому мертвый) мир жизнью («на поленьях смола, как слеза»), необязательно противопоставлять обыденной направленности сознания, наивно отражающей опытную данность мира. Последнюю можно понимать как повод для пробуждения и предельной интенсификации спящих духовных ресурсов человека и, в частности, воображения. Но что стоит за словом «дух» или «духовный»? В Евангелии от Иоанна сказано: «Дух дышит, где хочет...» (Ин: 3:8). В данном случае дух Суркова дышит воспоминаниями о мирной земле Подмосковья, о «белоснежных полях», в которых кусты «шепчут» ему имя возлюбленной, о глазах

и улыбке родного лица. В стихотворении можно увидеть нарастающую с каждой строфой интонацию вызова, желание перебороть, внутренне превзойти текущее положение дел, которому человек (автор и лирически герой) полностью подвластен физически. Если первую строфу можно охарактеризовать как робкий подступ поэтического сознания к уродливой и гнетущей массе непосредственных фактов (война, холод и т.п.), то в последней ясно слышится убежденность в собственной силе, способность бросить вызов миру, в который ты оказался «брошен» и которому, как казалось до недавнего времени, ты полностью подчинен.

Д. А. Морозов

Источник текста: <https://rustih.ru/konstantin-simonov-esli-dorog-tebe-tvoj-dom/>

В чтении артиста М. Ю. Царева:

<https://www.youtube.com/watch?v=F9ivKHI8ZAw>

Стихотворение «Убей его», написанное Симоновым в 1942 г., заняло особое место в истории Великой Отечественной войны. Это не послевоенное осмысление, а отчаянная реакция на происходящее в 1941–1942 гг. Русская военная музыка и поэзия на протяжении столетий поддерживали боевой дух защитников Отечества. Вторгнувшемуся в Россию Наполеону приписывают следующее высказывание: «Мой главный враг — русская музыка». На войне искусство становится оружием, а вместо изящества и грации приходят отточенные формулировки и поднимающие боевой дух мелодии. В момент экзистенциальной угрозы полного уничтожения творческий гений способен уравнивать силы сторон, даже если изначально они несопоставимы. После такого творческого порыва количественное преимущество противника ничего не значит.

Стоит лишь вспомнить песню «Заветный камень» (музыка Бориса Мокроусова, стихи Александра Жарова), созданную в 1943 г. Леонид Утесов называл ее Царь-песней по аналогии со знаменитыми Царь-пушкой и Царь-колоколом. Сила «Заветного камня» направлена на будущее — камень обязательно вернется в Севастополь, это надежда в обязательную победу: «И в мирной дали, идут корабли, под Солнцем родимой земли». Стихотворение Симонова же в большей степени про настоящее: автор остро прочувствовал актуальный момент экзистенциальной угрозы, в 1942 г. о коренном переломе в войне говорить было рано. Сражение за Сталинград, Курская битва были впереди.

Полагаю, что стихотворение «Убей его» есть наиболее совершенное поэтическое оружие, созданное в России. Даже сейчас оно пугает убийственной мощью, заложенной в каждое слово. После войны автор предпочитал назы-

вать его по первым строкам «Если дорог тебе твой дом...» и избегал формулы «Убей его».

Как работает идеальное поэтическое оружие и что с ним делать в мирное время?

Симонов последовательно наполняет содержанием понятие Родина и указывает солдату на серьезную угрозу, нависшую над ней. Мать, отец, любимая, родной дом в опасности: автор изображает пугающую перспективу. Солдат должен осознать, что ответственность за близких лежит только на нем, никто другой вынести ее не способен. Появляется и сюжет мести за то, что противник сделал с Родиной солдата. Не важно, в каких войсках он служит. Страшная месть становится долгом — за неисполнение нет солдату прощения: «А тебе оправданья нет».

Стихотворение завершается заклинанием: «убей же его», «убей хоть одного».

24 июля 1942 г. в газете «Красная звезда» Илья Эренбург опубликовал заметку «Убей немца», где отчасти задал основной посыл Симонова: эту интенцию поэт довел до предела: «Если ты убил одного немца, убей другого, — писал Эренбург, — нет для нас ничего веселее немецких трупов». Конечно, в стихотворении не говорится о пугающем веселии.

Термин «пропаганда» кажется нерелевантным в данном случае: стихотворение Симонова — убийственное оружие в борьбе за существование. Оно мощнее, чем любой автомат, танк или артиллерийская батарея. Симонов нанес серьезный урон по немецким войскам лишь силой слова.

В 1942 г. Михаил Царев прочитал «Убей его» со свойственным ему мастерством. И сейчас мы можем послушать эту запись, она по-прежнему производит впечатление. Сложно представить, с какой силой голос Царева звучал для солдат в окопах. Каждому из них вменялась личная ответственность за все, что они любят, на каждого возлагался долг мести. В фильме 2015 г. «Битва за Севастополь» используются стихи Симонова, заключительный фрагмент с заклинанием «убей же его» читает маленькая девочка. Сцена показалась мне неуместной и неоправданной, вызывающей аффекты.

Считаю, что стихотворение Симонова как идеальное поэтическое оружие отзвучало голосом Царева на войне, а сейчас, в мирное время, стоит крайне аккуратно с ним обращаться — скорее как к до сих пор опасному экспонату в отечественной истории, ведь оно лежит там среди многих орудий, принесших Победу.

И. И. Павлов

Источник текста: <https://rustih.ru/olga-berggolc-razgovor-s-sosedkoj/>

Стихотворение Ольги Берггольц «Разговор с соседкой» написано в блокадном Ленинграде. В нем поэтесса через образ Дарьи Власьевны, простой женщины и соседки по квартире, обратилась ко всем жителям блокадного Ленинграда — а также ко всем, мужественно и подвижнически переносящим тяготы войны.

«Разговор с соседкой» интересен как темой, так и образом Дарьи Власьевны. Сегодня при слове «война» многие вспоминают в первую очередь поле битвы, армейскую жизнь, воинские подвиги солдат, в основном, мужчин, и стратегические решения полководцев. Но нельзя забывать о том, что война — не только победы и воинская слава, но и страдание, с которым пришлось столкнуться как воюющим на фронте, так и трудящимся в тылу. Особые испытания выпали жителям Ленинграда. Им выпало долгое время жить впроголодь, героически переживая блокаду. Многие не смогли дождаться прорыва блокады, умерли от голода и истощения. Стихотворение Берггольц напоминает нам о страданиях этих людей, да и всех тех, кого коснулась война. Выбирая для своего стихотворения образ женщины, а не мужчины, поэтесса подчеркивает: она будет говорить не о ратных подвигах, но о терпеливом перенесении военных невзгод, особенно ужасных в Ленинграде, хотя тяжелых и по всей стране.

Сегодня, когда в идеологической риторике стремятся свести память о Великой Отечественной войне исключительно к славе русского оружия, а День Победы превратить в милитаристский парад войск и военной техники, есть опасность забыть, что любая война — это в первую очередь страдания, причем не только воинов, отдающих жизнь на фронте, но всех вовлеченных в вооруженный конфликт. Поэтому стихотворение Берггольц звучит особенно актуально. Оно дышит настоящим патриотизмом, настоящей любовью к своей стране и ее жителям.

Несмотря на очевидный патриотизм стихотворения, при жизни поэтессы ее поэзию иной раз критиковали за представление войны исключительно в мрачных тонах. Так же и сейчас далеко не всем хочется хранить память о войне как о трагедии, которую следует желать не повторить, а избежать.

В то же время хочется сразу оговориться, что и обращение к теме страданий может обслуживать идеологический запрос. Всегда важно различать то, что говорится, и то, в каком контексте говорится — а значит, к каким следствиям приведет высказывание. Берггольц, сама жившая в блокадном Ленинграде, сама пережившая ужасы войны, имеет моральное право завершить свое стихотворение сравнением простой женщины, Дарьи Власьевны, с самой Россией и говорить о силе России, способной пережить войну. Но совершенно иначе риторика силы России и способности русского народа к крайнему страданию и самопожертвованию ради патриотизма звучит из уст тех, кто сам находится в безопасно-

сти — безответственных политиков и идеологов, религиозных проповедников и горе-философов, использующих риторику силы и милитаризма в своих речах.

Это приводит нас к сложной этической теме страдания. С одной стороны, в некоторых ситуациях человек оказывается призван к страданию и самопожертвованию ради других, и готовность перенести такое страдание — подвиг. С другой — гуманизм запрещает оправдывать, прикрываясь разговорами о благородстве страдания и подвиге самопожертвования, человеческие жертвы. Любые жертвы всегда являются ужасными, и их всегда надо стремиться избежать.

Внимание к теме страдания и политическая осторожность, запрещающая спекулировать словами о подвиге и жертве, подводит нас и к вопросу, что такое подлинный патриотизм. Часто о патриотизме говорят как о готовности человека поставить интересы страны выше своих собственных вплоть до возможности отдать свою жизнь ради страны. Но что такое страна? Если мы понимаем страну как абстрактную сущность, то такой патриотизм — готовность отдать человеческие жизни ради чего-то внечеловеческого — ничем не отличим от тоталитарной идеологии, перемалывающей личность от имени безличного коллектива. Но если мы говорим о стране как о живой общности народа, то настоящий патриотизм должен основываться на заботе о согражданах — в том числе со стороны людей, находящихся у власти. Политики должны в первую очередь думать о том, как не допустить войны, как избежать человеческих жертв, а не безответственно призывать народ к жертве — что особенно отвратительно слышать тех, кто сам подобную жертву никогда не готов принести.

Сегодня историки продолжают спорить, насколько ответственными были решения Сталина и тех, кто находился в то время у власти и был способен влиять на ход истории. Можно ли было избежать войны или хотя бы вести ее с меньшими потерями? Имелась ли возможность не допустить блокады Ленинграда? Об этих вопросах также важно не забывать, обращаясь к истории Победы, в том числе через отражение войны в отечественной поэзии и литературе. И если сами герои, перенесшие ужасы военного времени, имели право на гордость своим подвигом, то мы, желая быть верными памяти предков, должны сделать все возможное, чтобы их подвиг не оказался напрасным. Тот, кто умер или пережил бесчеловечные страдания, сделал это, чтобы другие — мы — жили. Относясь к человеческой жизни безответственно, мы делаем их жертву бессмысленной.

Всегда важнее, чем сама жертва, то, ради чего жертва приносится, и если жизнь приносится в жертву ради чего-то иного, чем человек и человечество, частью которого является страна, то она не имеет никакого оправдания с точки зрения разума и совести.

Литература

- Ефимов Е. И. (публ.) (2001) Неизвестная статья Ольги Берггольц об А. Ахматовой // Знамя, 2001, №10. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1557> (дата обращения 28 апреля 2020).
- Добин Е. Е. (1968) Поэзия Анны Ахматовой. Л.: Советский писатель, 1968.

BUT MUSES WERE NOT SILENT MODERN INTERPRETATION OF MILITARY POETRY

War-time poetry is a document of the era. The essays written by the participants of the round table opened the authors the possibility of dialogue, existential experiences as well as the ability to feel involved in the distant, but still close events of the war. For the philosophical mind it is also a touch to existential problems of life and death; the value of peace; the distinction between friend and enemy; the understanding of duty or sacrifice; the experience of losing a loved one; experience of love during the war.

References

- Efimov E. (publ.) (2001) Neizvestnaja stat'ja Ol'gi Berggol'c ob A. Ahmatovoj [Unknown article by Olga Berggolz about A. Akhmatova], *Znamja [Banner]*, 2001, №10, URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1557> (accessed 28 April 2020) (In Russian).
- Dobin E. E. (1968) *Pojezija Anny Ahmatovoj [Poetry of Anna Akhmatova]*, Leningrad: Sovetskij pisatel' (In Russian).